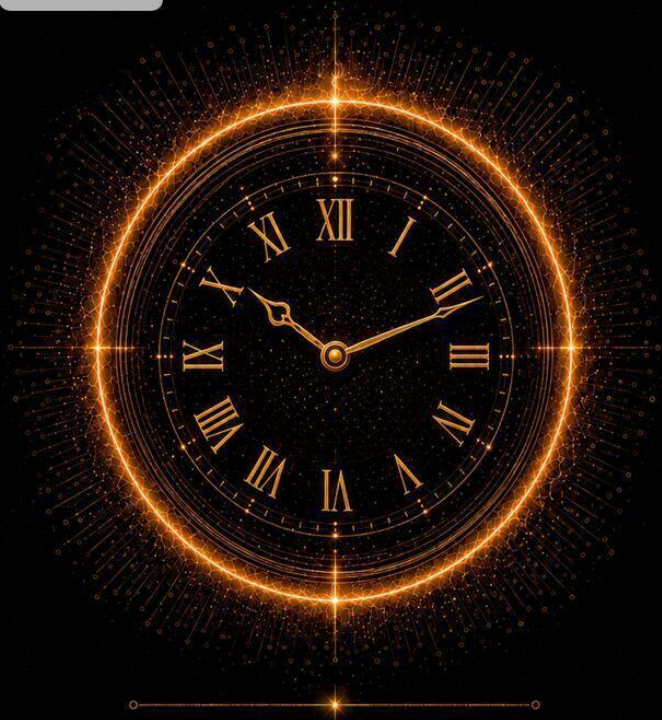

12+ КИРИЛЛ ЛЕДОВСКИЙ

АНТРОПОЛОГИЯ
ВРЕМЕНИ

Кирилл Ледовский

Антропология времени

<https://litres.ru/74253154>

ISBN 9785007054867

Аннотация

«Антропология времени» — книга о том, что человек живёт не только по часам и календарю, но и во внутреннем времени памяти, ожидания, травмы, намерения и пути. Автор исследует, как время собирает личность, как оно распадается, как превращается в биографию и как может быть заново собрано вокруг главного. Это не популярная физика времени, а глубокое размышление о человеческой судьбе, внимании и внутренней длительности.

Содержание

ЧАСТЬ I. КАК ВРЕМЯ СТАЛО ПРОБЛЕМОЙ	7
Глава 1. Почему время нельзя считать понятным	7
Глава 2. От Аристотеля к Августину	18
Глава 3. Короткая историческая линия после Августина	30
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Антропология времени

Кирилл Ледовский

© Кирилл Ледовский, 2026

ISBN 978-5-0070-5486-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Навигатор. Как читать эту книгу

Перед вами книга «Антропология времени». Это самостоятельная книга углубления, выросшая из уже сложившегося корпуса автора и обращённая к одному из самых трудных его узлов — ко времени как к антропологической проблеме.

Эту книгу можно читать отдельно. Более того, для части читателей именно так и произойдёт: само слово *время* притягивает сильнее многих других тем, и потому книга может стать первым входом в корпус. Но здесь важно сразу сделать оговорку. Перед читателем не популярное рассуждение о времени вообще и не обычный обзор научных теорий времени. Это книга о том, как время проживается человеком, как оно собирает или разрушает внутреннюю жизнь, как связано с памятью, вниманием, телом, биографией, травмой, безупречностью и пределом человеческой собранности.

Поэтому читать её лучше не как линейный трактат, который должен сразу всё объяснить, а как плотный маршрут различений. У книги есть собственная внутренняя логика. Сначала ставится сама проблема времени. Затем разводятся внешнее и внутреннее время. После этого вводятся культурный страх перед разрушением времени, научная сложность внешнего времени, психологическая и биографическая структура времени внутреннего. И только затем появляется феноменологический архив Кастанеды как предельный материал для дальнейшего различения. Иначе говоря, книга движется не от готовых ответов к примерам, а от нарастающего напряжения вопроса к тем опорам, которые позволяют этот вопрос выдержать.

Если читатель уже знаком с книгой **«Крылья восприятия. Книга 4. Намерение»**, то эту **«Антропологию времени»** лучше воспринимать как книгу углубления. Тогда особенно ясно становится, что время рассматривается здесь не само по себе, а в тесной связи с безупречностью, путём сердца, внутренней хронологией, собиранием жизни вокруг главного и предельной проблемой намерения.

Если же читатель впервые входит в корпус автора именно через эту книгу, лучший маршрут таков: сначала обратиться к книге **«Крылья восприятия. Книга 4. Намерение»**; затем — к **«Антропологии внимания»**; после неё — к **«Антропологии пути»**; и уже затем вернуться к **«Антропологии времени»** ещё раз. Такой ход нужен потому, что эта

книга не вводит корпус с нуля, а работает на его предельных связках. Она особенно хорошо раскрывается при повторном чтении, когда читатель уже различает внимание, путь, безупречность, внутреннюю сборку личности и работу времени внутри этих узлов.

ЧАСТЬ I. КАК ВРЕМЯ СТАЛО ПРОБЛЕМОЙ

Глава 1. Почему время нельзя считать понятным

Человек почти не замечает, насколько странно устроено его отношение ко времени. Он говорит о нём непрерывно. Он жалуется, что времени не хватает. Он пытается его выиграть, сэкономить, не потерять, не тратить зря. Он меряет жизнь годами, месяцами, дедлайнами, возрастом, ожиданием, сроками, датами и расписаниями. Но при всём этом почти никогда не задаёт себе простой вопрос: а что именно он называет временем.

Обычно ему кажется, что здесь всё давно ясно. Время — это часы, календарь, смена дня и ночи, последовательность событий, старение тела. В здравом смысле вопрос будто бы закрыт ещё до своего возникновения. И именно в этом первая трудность. Чем привычнее вещь, тем легче человек перестаёт её видеть. Со временем произошло именно это. Оно оказалось настолько впаяно в язык, труд, память, страх, ожидание и смерть, что перестало быть загадкой. Человек не решил вопрос о времени. Он просто перестал чувствовать, что

этот вопрос вообще существует.

Но здесь скрыт ещё один парадокс. Человек не только постоянно думает о времени в бытовом смысле — в режиме «тик-так», сроков, часов и планов. Он одновременно и не думает о времени в подлинном смысле. Он не держит перед собой всерьёз вопрос о том, что его время конечно. Он не спрашивает себя, сколько жизни у него вообще есть и как именно он её проживает. Напротив, он отгоняет эту мысль. Само серьёзное размышление о конечности собственного времени его пугает. Поэтому складывается странная двойственность: человек постоянно суетится внутри времени и одновременно внутренне живёт так, будто времени у него бесконечно много.

Именно это противопоставление нужно удерживать с самого начала. Человек всё время вовлечён во внешнее время, но почти не выдерживает мысли о времени внутреннем и конечном. Он готов обсуждать расписание, но не судьбу. Готов нервничать из-за потери часа, но не готов всерьёз спросить себя, как он проживает годы. Между тем время — одна из самых тёмных и самых фундаментальных данностей человеческого существования. Мы строим биографию так, будто оно надёжно течёт под нами. Мы обещаем, откладываем, вспоминаем, планируем, ждём и надеемся так, будто его природа для нас очевидна. Но стоит внимательнее взглянуться в собственную жизнь, как эта очевидность начинает рассыпаться. Почему одни часы пролетают незаметно, а другие

тянутся почти невыносимо? Почему ожидание длиннее события? Почему одна минута иногда насыщеннее целого года?

Именно здесь и возникает главный поворот книги. Нужно сразу отказаться от наивной привычки говорить о времени так, будто речь всегда идёт об одном и том же. Уже на первых шагах необходимо различить по меньшей мере два слоя. Первый — внешнее время: измеряемое, календарное, физическое, то, с которым работают счёт, расписание, хронометрия, наука и социальный порядок. Второй — внутреннее время: то, которым человек реально живёт как личность, то, что связано с памятью, вниманием, тревогой, ожиданием, радостью, скукой и внутренней плотностью момента.

Но развести эти два слоя мало. Их нужно сразу правильно расставить по значимости. Внешнее время для человека является рамкой, опорой, поверхностью, по которой он идёт. Оно важно, потому что задаёт условия, границы, ритмы, смену дня и ночи, старение тела, биологический и исторический фон существования. Но главным содержанием человеческой жизни становится не оно, а то, как человек проживает данный ему отрезок. То есть — внутреннее время. Внешнее время можно сравнить с дорогой. Она задаёт протяжённость пути. Но один и тот же отрезок можно пройти вприпрыжку, бодро, с чувством полноты жизни, а можно — еле-еле переползти, измученно выжигая себя каждым шагом. Длина пути останется той же. Но прожитая жизнь внутри него окажется

совершенно разной.

Именно поэтому ключевое влияние на человека оказывает не столько внешнее время, сколько внутреннее. Не календарь проживает человека, а его собственная длительность. Не часы делают жизнь наполненной или выжженной, а то, как человек изнутри проживает данный ему промежуток. Один и тот же год может стать для одного временем роста, собирания, силы и ясности. Для другого — временем распада, ужаса и внутреннего старения. Внешнее время здесь одинаково. Внутреннее — радикально различно.

Когда человек говорит: «У меня не было времени», он далеко не всегда говорит о физической невозможности уложиться в объективный промежуток. Очень часто он говорит о собственной рассыпанности, нехватке собранности, присутствия, сил. Когда он говорит: «Это длилось вечно», он сообщает не астрономические сведения, а способ внутреннего переживания события. Уже в этих простых выражениях видно: человек всё время смешивает внешнее время и внутреннее, календарную длительность и личную длительность.

Но здесь возникает ещё более серьёзный вопрос. Человек привязывает ощущение своей жизни и даже собственной возрастной исчерпанности не только к внешнему времени, а прежде всего к внутреннему. В человеческом опыте постоянно встречаются сцены, когда короткий по календарю период как будто мгновенно старит человека. Сильнейший страх, шок, многодневное напряжение, утрата, катастрофа — и че-

ловек словно проживает за короткий срок огромный внутренний объём жизни. Это видно даже внешне: меняется лицо, осанка, взгляд. Значит, проблема времени для человека — это не только длина биологического срока, но и способ его внутреннего проживания.

Отсюда встаёт встречный вопрос, который книга не собирается решать мистически, но обязана поставить честно: если внутренняя длительность может схлопываться и выжигать жизнь, то может ли она и растягиваться, удерживать силу, собранность и бодрость человека дольше, чем это предполагалось бы по одному только календарю? Внешнее время действует на тело как условие. Но внутреннее время действует как режим проживания этого условия. И потому вопрос не в том, чтобы отменить старение, а в том, чтобы понять, почему один человек внутренне рассыпается так, будто прожил уже всё, а другой сохраняет бодрость, упругость и интерес к жизни значительно дольше.

Следовательно, внутреннее время — это не психологическая мелочь и не вторичный оттенок при «настоящем» внешнем времени. Для человека именно оно и есть главное поле жизни. Внешнее время создаёт поверхность пути. Внутреннее время определяет, как этот путь будет прожит, вынесен, истрачен или собран. Внешнее время даёт километраж. Внутреннее время даёт судьбу.

Но и это ещё не всё. Человек не просто живёт во внутреннем времени. Он его ещё и организует, а точнее — схлопыва-

ет, упрощает, приводит к удобной форме. И эта форма почти всегда строится как причинно-следственная хронология. Когда человек говорит себе: «было, есть, будет», он имеет в виду не только порядок моментов. Он почти неизбежно вкладывает в это и другой смысл: «раз было вот это, значит, дальше должно произойти вот то»; «если я поступал правильно, я должен получить определённый результат»; «если я сделал всё как надо, жизнь обязана сложиться соответственно». Иначе говоря, внутреннее время почти сразу превращается у него в причинно-следственную сетку ожиданий.

Именно рассудок делает это почти автоматически. Он не просто собирает жизнь в последовательность, а старается сделать её объяснимой, просчитываемой и морально оправданной. Он хочет видеть не просто течение событий, а их обязательную сцепку: причина — следствие, усилие — награда, правильный шаг — правильный результат. Поэтому человек так легко оказывается в режиме торга с жизнью. Он говорит: «я же был хорошим», «я же всё сделал правильно», «я же старался — почему со мной происходит это?» И когда причинно-следственная картинка не складывается, он не просто удивляется. Он озлобляется, обижается на судьбу, начинает требовать от мира того, что, как ему кажется, полагалось по его схеме.

В этом и скрыта одна из фундаментальных ловушек рассудка. Он принимает причинно-следственную хронологию за единственный способ сборки жизни. Ему кажется, что ес-

ли жизнь правильно рассчитана, то она обязана реализоваться по плану. Закончил с отличием — значит, должен пойти вверх. Старался — значит, должен получить. Запланировал — значит, должно исполниться. Но реальность раз за разом ломает эту схему. Человек строит карьерную и жизненную хронологию, а ничего не выходит. Или, наоборот, шаг в сторону от намеченной линии вдруг открывает иной поток, иной ритм, иной попутный ветер. Именно поэтому чужие истории успеха почти никогда не копируются: в них нет твоей оси, твоей сборки, твоего времени.

Следовательно, хронология в человеческой жизни — это не просто порядок событий. Это ещё и навязанная рассудком причинно-следственная схема, которая делает человека предсказуемым и уязвимым. Пока он живёт только в этой схеме, он не столько проживает жизнь, сколько торгуется за неё. Между тем более глубокая сборка личности — безупречность, собирание вокруг главного, воля Агапы — работает на других принципах. Там нет бухгалтерии судьбы. Там есть неукротимое собирание жизни в ось, в верность, в путь, даже тогда, когда внешняя причинно-следственная логика не даёт человеку немедленного оправдания.

И здесь нужно добавить ещё одно принципиальное уточнение: причинно-следственная хронология внутреннего времени не является единственным способом его проживания. Это лишь наиболее привычная и наиболее грубая форма, в которую рассудок стремится уложить жизнь. Но человек

способен жить и иначе. Он способен собирать свою жизнь не по линейной схеме «это вызвало то», а вокруг личной оси, вокруг главного, вокруг того центра, который придаёт событиям иную форму связности. Тогда в его внутреннем времени начинают работать не только причинно-следственные правила, а принципы собирания, соотнесения, узнавания, внутреннего резонанса и синергии.

В таком режиме человек может включать в свою жизнь события, опыты, решения и встречи, которые внешне кажутся никак не связанными. Рассудку они могут показаться случайными, несовместимыми, лишёнными общей логики. Но когда они входят в личную ось, когда человек собирает их вокруг главного, они вдруг оказываются поразительно действенными для его формирования. Они начинают работать на сборку личности, на прояснение пути, на рост безупречности. Мёртвая причинно-следственная схема здесь уже перестаёт быть главной. Она не отменяется полностью, но оказывается неконкурирующей по отношению к более глубокой форме внутренней организации жизни.

Именно здесь особенно ясно видно отличие человека от машины, работающей только по линейно формализуемым связям. Машинные модели особенно сильны там, где можно проследить устойчивые зависимости, продолжения, вероятные сцепки и повторяющиеся паттерны. Но человек обладает другой способностью: он может интуитивно связывать вещи, которые внешне несовместимы или не следуют друг

из друга напрямую. Он может соединять области, события и смыслы, между которыми нет очевидного линейного перехода, и именно в этом соединении возникает взрыв синергии. Поэтому связка человек — машина так важна не только технологически, но и антропологически: человек привносит туда не просто данные, а личную ось, способность собирать несводимое.

Именно поэтому человек опредмечивает не только мир, но и время. Он делает со временем то же самое, что делает с пространством и вещами: превращает живую, текучую реальность в предметную, понятную, уже схваченную картину. Но в случае времени эта картина почти всегда оказывается ещё и причинно-следственной. Она говорит человеку, что его жизнь якобы обязана разворачиваться по предсказуемой линии. Это опредмечивание нельзя понимать как простую ошибку. Оно необходимо. Без него человек не удержал бы себя как устойчивую личность. Он не смог бы помнить, планировать, принимать решения, связывать прошлое, настоящее и будущее хотя бы в минимально последовательную линию. Однако именно в этом акте защиты и организации происходит и потеря. Живое переживание времени схлопывается в бытовую хронологию, а бытовая хронология почти незаметно схлопывается в причинно-следственную схему. Человек начинает думать, будто именно это и есть время. Так рождается не только удобство, но и слепота.

Поэтому задача этой книги не состоит в том, чтобы опро-

вергнуть физику, заменить науку мистикой или объявить всякую хронологию ложью. Речь идёт о другом. Нужно показать, что за временем как предметом измерения скрывается время как форма человеческой жизни. Нужно вернуть читателю ощущение того, что время не только течёт снаружи, но и собирается внутри. Не только измеряется, но и проживается. Не только фиксируется часами, но и растягивается, схлопывается, рвётся, искажается, уплотняется и пересобирается в самой структуре личности.

Почему это особенно важно сейчас? Потому что современный человек живёт в эпоху, где внешнее время почти полностью победило внутреннее. Его дни поделены на интервалы. Его жизнь встроена в расписания, дедлайны, уведомления, проекты, цели и планы. Ему кажется, что время — это прежде всего ресурс, который надо грамотно распределять. Но чем больше он учится управлять внешним временем, тем хуже понимает время внутреннее. Он всё точнее меряет жизнь, но всё слабее её чувствует. Он знает, который час, но не знает, чем наполнен этот час. Он умеет считать недели, но не умеет выдерживать собственную длительность. Он постоянно жалуется на нехватку времени, но почти никогда не задаётся вопросом, что именно в нём самом делает время пустым, разорванным и мёртвым.

Современная катастрофа времени состоит не в том, что его объективно стало меньше. Она состоит в том, что человек почти перестал различать, где время внешнее, а где внут-

реннее; где он измеряет процесс, а где живёт судьбу; где он считает минуты, а где собирает самого себя. Из-за этого он оказывается в странном положении: окружён разговорами о времени со всех сторон, но почти лишён антропологии времени — языка, который позволил бы ему понять, как именно время действует в нём, через него и над ним.

Отсюда и общий замысел этой книги. Нужно снова сделать время проблемой. Не в смысле искусственно усложнить очевидное, а в смысле вернуть вопросу его подлинную глубину. Нужно научиться видеть, что человек живёт не просто во времени, а в определённой форме времени; не просто стареет и движется от даты к дате, а непрерывно строит, искажает, защищает, схлопывает и иногда прорывает собственную внутреннюю длительность.

Чтобы сделать этот путь возможным, придётся сначала вернуться к истории вопроса. Придётся посмотреть, как время стало философской проблемой, как оно было понято как внешний порядок мира и как позднее стало внутренней проблемой человеческой души. Только после этого можно будет перейти к культурному страху времени, к научным моделям внешнего времени, к психологии внутреннего времени, к травме, к предельным феноменологическим архивам и, наконец, к собственной антропологической теории времени. Но первый шаг уже сделан: время больше нельзя считать понятным. Именно поэтому разговор о нём только начинается.

Глава 2. От Аристотеля к Августину

Если взглянуть на историю мысли, быстро становится видно: время никогда не было для серьёзного мышления чем-то само собой разумеющимся. Да, человек всегда жил в смене дней и ночей, времён года, возрастов, рождений и смертей. Но именно поэтому вопрос о природе времени и возникал как вопрос трудный. Время слишком очевидно присутствует в мире, чтобы его можно было просто игнорировать, и слишком неуловимо, чтобы его можно было легко определить. Поэтому всякий серьёзный разговор о времени с самого начала оказывается разговором не о частной детали картины мира, а о самом способе, которым мир становится для человека порядком, изменением и судьбой.

В античной философии один из наиболее сильных ответов на этот вопрос дал Аристотель. И здесь сразу важна историческая дистанция. Аристотель жил приблизительно в **384—322 годах до нашей эры**. То есть речь идёт об античном греческом мире, почти за четыре столетия до начала новой эры. Это нужно специально проговорить, потому что современный читатель часто воспринимает великие имена как стоящие почти рядом, хотя между ними лежат не десятилетия, а целые эпохи.

Для Аристотеля время мыслится не как отдельная вещь среди прочих вещей и не как мифологическая сила, пожира-

ющая мир, а как нечто связанное с движением, изменением и порядком «до» и «после». В этом состоит трезвость и сила его подхода. Время перестаёт быть туманным образом и получает связь с тем, как вообще меняются вещи. Там, где есть изменение, возникает вопрос о последовательности. Там, где можно различить раньше и позже, появляется возможность говорить о времени.

Это был колоссальный шаг. Античная мысль вывела время из области мифологической образности и связала его с рационально описываемым миром. Время перестало быть только пугающим фоном человеческой смертности и стало частью философии природы. Оно оказалось связано с движением, а значит — с порядком мира, который можно различать и исследовать. Уже здесь закладывается мощнейшая предпосылка всего будущего научного отношения ко времени.

Но в силе этой модели с самого начала скрыт и её предел. Аристотелевское понимание времени чрезвычайно мощно там, где речь идёт о внешнем порядке мира. Оно позволяет говорить о том, как протекают процессы, как соотносятся раньше и позже, как мыслить изменение без обращения к мифу. Однако эта модель почти не касается внутреннего времени человека как личности. Она не отвечает на вопрос, почему одна и та же длительность переживается по-разному. Она не говорит, что происходит с прошлым внутри памяти, с будущим внутри ожидания, с настоящим внутри внимания.

Она описывает порядок изменений мира, но не доводит вопрос до внутренней структуры субъекта.

Именно поэтому для антропологии времени одной аристотелевской линии недостаточно. Не потому, что она ложна, а потому, что она рассматривает прежде всего внешний порядок. Это время космоса, движения и изменения вещей. Но человек не только наблюдает изменение вещей. Он ещё и живёт временем изнутри. Он не только регистрирует последовательность событий, но и переживает её. Он несёт в себе прошлое, страшится будущего, выдерживает или не выдерживает настоящее. Время живёт в нём не только как порядок движения, но и как внутреннее напряжение существования.

Здесь и возникает фигура Августина. И здесь снова нужно дать историческую дистанцию. Августин Блаженный жил приблизительно в **354—430 годах нашей эры**. То есть он принадлежит уже не античному греческому миру Аристотеля, а поздней античности, миру на рубеже античной и христианской эпох. Между Аристотелем и Августином лежит не 10 и не 20 лет, а почти **семь столетий**. Это разные культурные вселенные, разные духовные задачи, разные формы мысли. Если этого не удержать, сам переход от Аристотеля к Августину потеряет глубину.

Если Аристотель дал европейской мысли мощную схему внешнего времени, то Августин совершил радикальный поворот внутрь. С ним время перестаёт быть только вопросом о том, как движется мир, и становится вопросом о том, как

человек удерживает свою жизнь в её протяжённости. Именно поэтому для книги, строящей антропологию времени, Августин оказывается ключевой фигурой. У него время впервые становится не только проблемой космоса, но и проблемой внутренней жизни.

Особая сила августиновского поворота состоит в том, что он начинается с парадокса, который сохраняет свежесть до сих пор. Пока человека не спрашивают, что такое время, ему кажется, что он знает ответ. Но как только вопрос поставлен прямо, прежняя ясность исчезает. Это одно из самых точных философских наблюдений о времени. Оно показывает: время присутствует в опыте настолько глубоко, что привычка пользоваться им заслоняет сам вопрос о его природе.

Дальше происходит ещё более важный шаг. Августин переносит центр тяжести разговора. Время для него раскрывается через память, внимание и ожидание. Прошлое существует как удерживаемое памятью. Настоящее — не как геометрическая точка между прошлым и будущим, а как напряжение внимания. Будущее — как ожидание. Время, таким образом, связано с внутренней растяжённостью души. Оно не просто течёт снаружи. Оно удерживается и претерпевается внутри.

Именно здесь возникает чрезвычайно важный для всей книги вопрос. Если настоящее есть напряжение внимания, то где находится человек, когда его внимание полностью захвачено не текущей внешней ситуацией, а прошлым или бу-

дущим? Внешнее время продолжает идти своим ходом. Часы не останавливаются. День не прерывается. Но человек как существо внутреннего времени может в этот момент жить совсем не там, где находится его тело.

Он может быть полностью втянут в память. Может не просто «вспоминать», а заново переживать событие, собирать его, пересматривать, возвращаться к нему с такой силой внимания, что внешняя обстановка почти перестаёт существовать для него. Тогда возникает жёсткий вопрос: где в этот момент находится человек? Формально — здесь. Внутренне — там, в прошлом узле своей жизни.

То же самое относится и к ожиданию. Человек может быть целиком захвачен будущим. Он может не просто планировать его рассудочно, а жить в полном напряжении внимания к тому, что ещё не наступило. Он может строить, бояться, надеяться, репетировать, предвосхищать, проживать будущее настолько интенсивно, что внутренне уже оказывается в пространстве ещё не пришедшего события. И тогда возникает тот же вопрос: где находится человек? Его тело — в текущем моменте, но его внимание, а значит и его внутреннее время, собрано не здесь, а впереди.

Это наблюдение имеет колоссальное значение. Оно показывает, что человек в действительности очень редко живёт целиком в настоящем. Гораздо чаще он живёт то в прошлом, то в будущем. Он вспоминает, переигрывает, оправдывает, возвращается. Или, напротив, забегает вперёд, ждёт, боится,

надеется, строит возможное. И потому здесь напрашивается прямой вопрос к читателю: а сколько вообще жизни вы проживаете в настоящем? Не в абстрактном смысле, а реально — сколько вашего внимания действительно находится в текущем моменте, а сколько уходит то назад, то вперёд?

Это видно даже в самых обыденных и при этом предельно показательных ситуациях. Человек ведёт автомобиль на большой скорости, где требуется очень точное взаимодействие с текущим пространством, потому что ошибка может стоить слишком дорого. Но даже там он умудряется одновременно жить не здесь: вспоминать разговор, пережёвывать вчерашнее, воображать завтрашнее, бояться будущего, вести внутренний диалог. Его тело находится в одном месте, действие происходит в настоящем, а внимание всё время норовит ускользнуть в другое внутреннее время. Это одна из самых поразительных черт человека: он способен действовать в текущем пространстве и одновременно жить не в нём.

И здесь важно сделать ещё одно уточнение. Когда человек уходит вниманием в прошлое или будущее, он переживает это не только как абстрактную эмоцию. Он переживает это пространственно. Он как будто снова оказывается там: в той комнате, в том разговоре, в той сцене, в том ещё не наступившем событии, к которому внутренне уже прибыл. Иначе говоря, внутреннее время почти всегда несёт с собой и внутреннее пространство. Человек не просто «думает о прошлом» или «думает о будущем»; он внутренне обитает

в определённой конфигурации мира, которая принадлежит уже не текущему внешнему моменту, а другому внутреннему времени.

Это означает, что человек устроен как существо поплавающее, колеблющееся между временами. Он очень часто находится не здесь и не сейчас, а где-то между уже прожитым и ещё не наступившим. В настоящем он собирается по-настоящему чаще всего тогда, когда нужно выживать, когда требуется немедленное действие, когда пространство предъявляет безотлагательное требование к его вниманию. Тогда он возвращается. Тогда он становится целым. Во всех прочих случаях он с удивительной лёгкостью ускользает из настоящего — в память, в грёзу, в ожидание, в проект, в страх, во внутренний разговор.

Следовательно, память и ожидание — не просто добавки к «настоящему». Они являются реальными модусами проживания внутреннего времени. Человек способен жить в прошлом, жить в будущем, возвращаться, забегать вперёд, снова входить в уже прожитое и заново собирать его. И если он делает это в полном напряжении внимания, то речь идёт не о слабой фантазии и не о пустом мечтании, а о реальном внутреннем акте. Именно поэтому пережитое может изменять человека заново, даже если событие давно завершилось внешне. Именно поэтому ожидание может формировать человека ещё до того, как внешне что-либо произошло.

Отсюда следует ещё более серьёзный вывод. Если человек

может возвращаться вниманием в прошлое и входить вниманием в будущее, значит, внутреннее время не сводится к линейной внешней последовательности. Оно способно пересобирать жизнь. В памяти человек может заново построить событие в свою судьбу, иначе прочесть его, иначе собрать самого себя. В ожидании он может заранее формировать направление жизни, собирая себя под ещё не наступившее. Уже здесь важно увидеть главное: как только вводится напряжение внимания, сразу становится видно, что внутреннее время человека — это не только «текущий момент», а подвижное поле, внутри которого прошлое, настоящее и будущее переживаются как реальные зоны жизни личности.

Но для точности здесь необходимо ввести ещё один ключевой элемент: мостиком между внешним временем и внутренним временем является человеческое тело. Именно тело связывает календарный, природный и ритмический ход внешнего мира с тем, как этот ход переживается изнутри. Пока тело включено в смену дня и ночи, в усталость и бодрствование, в свет, темноту, температуру, движение, ритмы сна и пробуждения, оно непрерывно переводит внешний ход времени во внутренний режим жизни. Поэтому нельзя говорить о времени человека, если из разговора выпадает тело.

Это особенно хорошо видно в ситуациях, где тело теряет обычную синхронизацию с внешним временем. Когда человек надолго выключается из привычных световых, суточных и социальных ориентиров, оказывается в изоляции, в

темноте, в однообразной среде, без различения дня и ночи, у него начинает ломаться чувство часов и длительности. Внешнее время продолжает идти, но тело перестаёт получать привычные сигналы, которыми оно было увязано с этим временем. Тогда внутренняя временная организация начинает перестраиваться. Человек может ошибаться в длительности, терять чувство суток, жить в ином ритме сна, бодрствования, внимания и усталости. Это означает, что внутреннее время нельзя свести только к рассудку. У него есть и телесное измерение.

Именно здесь обнаруживается ещё одно важное различие: внутреннее время неоднородно. Существует время рассудка — то самое, которое выстраивает хронологию, причинно-следственные цепочки, планы, ожидания, воспоминания, narrative-сборку. Но существует и телесное время — ритмы усталости, бодрости, напряжения, восстановления, голода, сна, боли, возбуждения, затухания, циркадной и доциркадной организации жизни. Эти два слоя связаны, но не совпадают. Рассудок может уноситься в прошлое или будущее, а тело при этом оставаться в своём непосредственном режиме. И наоборот: тело может жить в изменённом ритме, ломая привычное чувство часов, даже когда рассудок пытается сохранить внешнюю схему времени.

Следовательно, уже на уровне Августина, даже если он сам не формулирует это в современном языке, открывается пространство для очень важного различения: между внеш-

ним временем мира, внутренним временем внимания и памяти и телесным временем как посредником между ними. Это различие понадобится книге дальше. Потому что без него невозможно понять ни травму, ни экстремальное растяжение мгновения, ни практики пересборки времени, ни вообще тот факт, что человек живёт во времени не как чистый дух и не как чистый механизм, а как телесно-сознательное существо.

В этом повороте время впервые становится не только тем, что можно соотнести с движением вещей, но и тем, что конституирует сам опыт субъекта. Человек оказывается существом, которое живёт в растяжении между памятью, вниманием и ожиданием. Он не просто находится в моменте. Он всегда уже несёт за собой прошлое и направлен вперёд. Иными словами, время в августиновском смысле — не внешний фон человеческой жизни, а форма её внутреннего удержания.

Именно здесь открывается различие, принципиальное для этой книги. Аристотелевская линия даёт мощный язык внешней упорядоченности времени. Августиновская линия — язык внутреннего переживания времени. Одна без другой неполна. Если взять только Аристотеля, человек рискует потерять внутреннее время и остаться лишь при описании порядка изменений. Если взять только Августина и забыть об объективирующей силе античной мысли, можно впасть в путаницу, где время станет лишь неопределённым внутрен-

ним чувством. Но вместе эти две линии позволяют впервые увидеть масштаб проблемы: время одновременно связано и с изменением мира, и с внутренней структурой личности.

Для современного человека именно этот двойной взгляд особенно важен. Он унаследовал от науки и здравого смысла прежде всего аристотелевско-объективирующую линию, хотя и в переработанном позднем виде. Он привык думать, что время — это то, что можно мерить, считать, делить и свертывать. Но он почти утратил августиновскую чувствительность к внутреннему времени как к растяжённости жизни. Отсюда и возникает странный разрыв. Человек отлично умеет обращаться с календарём, но плохо понимает собственную длительность. Он знает, когда наступит срок, но не знает, как живёт в ожидании. Он может помнить даты, но не умеет различать работу памяти как внутреннего носителя времени. Он почти забыл, что прошлое, настоящее и будущее — это не только секции календаря, но и формы внутреннего существования.

Поэтому для данной книги переход от Аристотеля к Августину — не историческая справка и не обязательный поклон традиции. Это фундаментальное движение мысли. Нужно сначала увидеть силу внешней модели времени, чтобы понять, почему она была столь убедительна и почему из неё вырастет вся мощь науки. Но затем необходимо зафиксировать место, где этой модели уже недостаточно: место живого субъекта, памяти, ожидания, внимания и внутренней био-

графии. Августин важен здесь именно потому, что он впервые делает это место философски видимым.

Отсюда следует и основной вывод этой главы. Антропология времени невозможна без августиновского поворота внутрь, но и этот поворот не отменяет необходимости внешнего языка времени, который дала античная мысль. Время нельзя свести ни к движению вещей, ни к одному лишь внутреннему чувству. Оно требует двойного рассмотрения. Однако если книга хочет говорить о времени как о проблеме личности, ей неизбежно придётся опереться именно на тот узел, где время оказалось связано с внутренней жизнью человека. И этот узел в европейской истории был обозначен с особой силой именно Августином.

После него вопрос о времени не исчезнет. Но он будет двигаться уже по другим руслам: через историю, через теологию, через становление науки, через механику, через физику, через психологию, через феноменологию. В одних эпохах будет усиливаться внешний язык времени, в других — возвращаться внутренний. Для нас сейчас важно одно: время уже однажды было понято как внутренняя проблема человеческого существования. Значит, современная слепота к внутреннему времени — не норма и не неизбежность. Это исторически сложившееся смещение, которое можно и нужно рассмотреть заново.

Глава 3. Короткая историческая линия после Августина

После Августина вопрос о времени не исчез, но его судьба стала гораздо сложнее. Время не перестало быть философской и духовной проблемой, однако постепенно всё чаще переходило в другие языки. Его стали мыслить через историю мира, через порядок творения, через космос, через механику, через математику, через причинность, через закономерность движения тел. В результате то, что Августин однажды высветил как внутреннюю растяжённость человеческой жизни, всё чаще оказывалось не в центре, а на периферии. Не потому, что внутреннее время перестало существовать, а потому, что культура и мысль всё сильнее ориентировались на построение внешней картины порядка.

Это смещение не было случайным. История европейского мышления в значительной степени двигалась к тому, чтобы сделать мир всё более описуемым, счётным, предсказуемым и управляемым. Для этого требовался язык внешнего времени. Такой язык позволял связывать причины и следствия, описывать движение, измерять длительности, выстраивать исторические линии, рассчитывать процессы, строить общие картины миропорядка. В этом движении время становилось не столько тайной внутренней жизни, сколько рамкой, в которой можно располагать события, сущности и из-

нения.

Средневековый мир ещё долго сохранял напряжение между историей спасения, духовной драмой человека и устройством космоса. Время здесь оставалось связанным не только с внешним порядком, но и с большой религиозной перспективой — с началом мира, его направленностью, ожиданием конца, судом, вечностью. Однако даже в этой перспективе время всё чаще осмыслялось как великая история мира и человека, а не только как внутренняя растяжённость личности.

Дальнейшее усиление внешнего времени особенно ясно становится заметным по мере развития науки раннего Нового времени. Мир всё больше понимается как объект наблюдения, измерения и расчёта. Возникает потребность в едином, надёжном, стандартизируемом времени, которое не зависит от капризов внутреннего переживания. Для механики, астрономии, техники, расчёта движения, координации процессов требуется не внутреннее время души, а внешняя временная рамка, одинаковая для всех тел и процессов. Так постепенно складывается та мощная традиция, которая позднее достигнет своей классической ясности в ньютоновской картине мира.

Именно здесь происходит принципиально важный для нашей темы сдвиг. Время становится всё более объективируемым. Оно мыслится как то, что можно измерить вне человеческой внутренней жизни. Оно как будто всё меньше нуждается в личности. Ему не требуется память, чтобы быть про-

шлым, внимание, чтобы быть настоящим, ожидание, чтобы быть будущим. Оно получает собственную автономию в описании мира. Это колоссальный интеллектуальный шаг. Но вместе с ним растёт и цена. Чем увереннее время описывается как внешняя структура мира, тем менее заметным становится то, что человек вообще переживает время изнутри.

Постепенно возникает очень странная культурная ситуация. С одной стороны, европейская мысль и наука делают гигантские успехи именно потому, что учатся обращаться с внешним временем всё более строго. С другой стороны, сам человек начинает забывать, что его собственная жизнь не исчерпывается этим внешним временем. Он всё чаще живёт так, будто время — это прежде всего то, что можно считать и делить, а не то, чем он внутренне живёт. Его внутреннее время не исчезает, но отступает в тень. О нём говорят уже не как о центре философии, а как о чём-то вторичном: психологическом, субъективном, частном, менее серьёзном по сравнению с большой картиной объективного мира.

Эта тень и есть один из решающих результатов всей дальнейшей истории вопроса. Августиновский поворот не был отменён. Его никто не сделал ложным. Но культурная энергия Нового времени пошла в другую сторону. Она пошла туда, где время можно стандартизировать, обобщить, приложить ко всем вещам сразу, встроить в математический язык, превратить в универсальную рамку описания. На этом пути возникает колоссальная сила — сила науки, техники, управ-

ления, координации, исторического сознания. Но на том же пути возникает и почти неизбежная антропологическая слепота: человек начинает считать, что время есть прежде всего то, что можно показать на циферблате.

Именно поэтому современность наследует уже сильно внешнюю модель времени. Даже когда человек не знает имён философов и физиков, его бытовое чувство времени обычно устроено так, как если бы время было единым внешним потоком, в который он просто помещён. Он живёт в дисциплине графиков, сроков, возрастных этапов, производительности, биографических достижений и потерь. Он мыслит время как ресурс, который можно использовать, терять, планировать и экономить. При всей практической полезности такого подхода в нём почти незаметно исчезает живой вопрос: как вообще время дано человеку как внутренний опыт.

Отсюда рождается современная слепота ко времени. Она устроена парадоксально. Никогда ещё человек не мерил время так точно. Никогда ещё он не был так окружён устройствами, которые фиксируют, распределяют и напоминают ему о времени. Никогда ещё он не был так подчинён ритмам, расписаниям, регламентам и внешней координации. Но именно поэтому он почти перестал спрашивать, как устроено его внутреннее время, как работает память, как схлопывается биография, как меняется длительность в страхе, любви, тревоге, ожидании, травме, вдохновении, безупречности. Чем точнее стала внешняя власть времени, тем более нераз-

работанным оказалось время внутреннее.

В этом смысле современный человек является наследником огромной победы и одновременно огромной потери. Победа состоит в том, что он получил чрезвычайно мощный язык внешнего времени. Потеря состоит в том, что этот язык постепенно заслонил собой все прочие. Человек стал жить так, будто измеряемое время и есть всё время целиком. А когда внутреннее время всё же даёт о себе знать — через скуку, затянутость ожидания, внезапную плотность мгновения, потерю биографической связности, травматический разрыв, возвращение прошлого, отчаяние от пустоты, страх неуспевания, — он часто не имеет языка, чтобы по-настоящему это осмыслить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.